

«Обида, опустошенье и усталость...»

На грани риска летел по бровке, —
в меня, как видно, вселился бес.
Был безнадежным для дрессировки,
и не по делу в бутылку лез.
Меня считали пропащим сыном,
твердили всюду, что бестолков.
Я слыл дубиной, я слыл кретином,
но школу кончил без «трояков».
А позже вузу я стал обузой:
несдержан, дерзок и говорлив.
К тому же тесно сошелся с Музой,
открыто плюнув на коллектив.
Другие знали, чего достойны,
в чем их призванье, где их стезя.
Я ж, выпадавший из их обоймы,
жил нелогично, как жить нельзя.
Чего скрывать-то? Не понимаю.
Признаюсь честно и не таясь:
у них дорога была прямая,
меня же вечно сносило в грязь.
Шел против ветра. И нарывался.
Они — проспектом. А я — тропой...
Народ российский тогда спивался.
И я, народник, ушел в запой.
Так бедокурил и куролесил,
что разум с сердцем вошли в раздрай.
Боль утишая, был пьян и весел,
кляня при этом наш грешный рай.
А те смотрели мне вслед с усмешкой,
клыки точили, давясь слюной.
Я был в их играх разменной пешкой,
но тшил надежду стать проходной.
Мечтал, дурашка! Ну, да чего там...
Стремился к звездам, но упал с ног.
С похмелья клялся порвать с болотом,
но все дороги вели в шинюк...
Мне Бог, конечно, воздаст за это,
что должной меры ни в чем не знал,
грешил безбожно, не блюл заветы...
Грешил, но совесть не запянал!
Забята мною дорога к храму,
мне был милее хмельной кагал.
Зато не влился в адепты Хама
и Люциферу не присягал.
Не пел их песни, не дул в их дудку,
им не служила моя строка,
я резал правду в глаза ублюдку,
не брал советов у дурака.
И пусть придурком меня считали,
Так ведь блаженным, а не шутом!
Теперь же слышу: «Хитер, Виталий...»
Да что скрывать-то? Стою на том!

Мой брат же в петлю чуть ли не залез
от ужасов горячки белой.
Его ночами вечно «бил кондрат»,
как управдома за растрату.
И в желтый дом попал запойный брат
с несвежего денатурата.
Невольно набекрень пойдут мозги
от этих бесконечных охов.
Того спасай... другому помоги...
Всем нынче голодно и плохо.
Им хочется залезть на мой хребет
и с шеи друга свесить пятки.
У каждого полно проблем и бед,
но нет психической разрядки.
Ведь я и сам порою, словно псих,
кручусь волчком в тоске и злобе.
Но у меня, в отличие от них,
есть увлекательное хобби.
Устав от вечных жизненных стихий,
я погружаюсь в мир нирваны,
сажусь писать «веселые» стихи,
как здравствуют у нас иваны.
Откушав на ночь лука с первачом,
кайфую власть, строку смакуя,
как будто не жалею ни о чем
и о друзьях угасших не тоскую.
Симу, пишу в звенящей тишине
на свой безрадостный мотивчик.
А где-то ходят слухи обо мне,
что я везунчик и счастливчик.
Хоть многим я кажусь весельчаком,
и что держу за хвост свою удачу —
мне абору волком выть в раю таком,
но я, назло всем недругам, не плачу.
И не умея грезить наяву,
трагедии пишу, а не побаски.
Красиво и захиточно живу; —
конечно, если верить в сказки!

Прекрасна жизнь гусарская,
героям все — до фени!
Им — и награды царские,
и царские трофеи.
Победные реляции.
Безбедная житуха...
А тут — галоп инфляции,
упадок и разруха.
Отбросим же сомнения,
умерим важность птичьую.
Подобные сомнения
смешны до неприличья!
Атлет с глазами синими,
в мундире с орденами,
гусар шалил с графинями
и с юными княжнами.
А мы, ужравшись водкою,
с утра, как свиньи, пьяные,
ложимся хоть с молодкою,
хоть с грязной обезьяною.
Гусар — интеллигентнейшо.
А мы берем на силу,
они носили ментики,
а нас менты месили.
Там — эплеты с кивером,
форель и расстегаи.
А мы закусим ливером
и сулками рыгаем.
Синюшные бухарики,
качаясь от безделья,
идем стрелять чинарики
и мелочь на похмелье.
Клянем житуху подлюю,
что не в ладах с законом,
и пьяной шумной кодлою
шакалим по притонам.
Непризнанные гении,
немые вельможи,
хрипим до посинения,
что мы гусарим тоже.
Пусть это лишь утопия,
продукт хмельного бреда.
А мы всего лишь копии
своих отцов и дедов —
красы и цвета нации,
романтиков в кожанках,
спецов экспроприации,
кто делал шухер в банках.
Гулаговских опричников,
кровавых комиссаров,
фанатиков и хищников,
но только не гусаров!
Наследственность. Генетика...
И мы такими стали.
Чтим лагерную этику
и кодекс волчьей стаи.
Гусарские традиции.
«Гусарская баллада»...
Повестка из милиции.
Параша и баланда.
Вокруг — бараки с нарами,
сексоты и фискалы...
И все-таки гусары мы
партийного закала.
Озлобленные, жадные
до выпивки и славы,
драгуны безлошадные
безлапотной державы...

Желтый дом

В психушке нашей нет свободных мест,
поскольку вся страна дебильной стала...
Мы с детства чтим партийный «Манифест»
и ветхие заветы «Капитала».
Напоминает улей наш дурдом
медовою наполненностью будней:
все заняты сизифовым трудом,
помимо санитаров — жирных трутней.
Здесь не услышишь ропот или плач, —
все радостно стремятся к кретиному.
Иначе пышнобровый наш главарач
всем иноверцам вмиг вставляет клизму.
Но что с нас взять, с ущербных дураков,
привыкших к издевательствам и пыткам?
Смиримся мы с нехваткою портков,
ведь тут рубах смиренных — с избытком.
Толпа боготворит своих врачей
за мудрость в их Декретах и Указах,
и начитавшись на ночь Ильичей,
отходит в мир своих бредовых сказок.
Живем почти полвека без войны,
но так же вшиво, как и в дни сражений.
И смотрит Маркс печально со стены
в кунсткамеру советских достижений...

***

Ой, беда, черт возьми, ох, беда!
Все-то нынче в стране — «господа»:
грузчик, нищий и бомж, и лакей —
все друг к другу: «Мерси» и «О, кей!»

Блок Варшавский отправлен в музей —
мы остались теперь без друзей,
что кормили почти сорок лет.
А сегодня «товарищей» нет...
Ой, что делается нынче, беда!
Разбежались они кто куда:
кто, в штаны наложив, был таков,
кто и вовсе сбежал без портков.
Перестройка у нас... Смех и грех!
Расколотся Союз, как орех,
размножая удельных князьков
при дележке страны Дураков.
Над Кремлем угасает звезда,
и казна «уплыла» без следа.
Ведь разграбив страну от души,
запевалы бегут в торгаши.
Гордо реет двуглавый орел...
Кто-то сразу же в церковь побрел,
кто-то делит последний кусок,
кто-то плюнул, и — пулю в висок!

***

Одумайтесь, кричу, остановитесь!
Не избежать вам страшного суда!
А если божьей кары не бойтесь,
о внуках чахлах вспомните тогда.
Они же будут вечно «благодарны»
за страшные итоги ваших дел:
за то, что правит бал паяц бездарный,
за нищенство и полный беспредел.
За то, что вы глумились над природой,
сгубив леса, меняя русла рек...
Теперь в стране рождаются уроды
и кружит над землею черный снег.
Да есть ли в вас хоть что-нибудь святое,
иль высший бог ваш — личный интерес?
Все списано теперь на пик «застоя».
А нынче что? Трагический регресс?
Вы вновь погрязли в сделках и аферах
и молитесь валютному тельцу...
А мы гребем — рабами на галерах —
к нелепому и страшному концу.

А судьи кто?

Да что скрывать-то?
Все так и было.
Я рос нескладным, как тот жираф.
И в школе сразу прослыл дебилом
за свой несносный цыганский нрав.
Не понимали моих амбиций
ни педагоги, ни мать с отцом.
Одни считали меня тупицей,
другие — жохом и наглецом.

Он вернется!

Такая, видно, мода повелась...
Теперь в ходу подобные новинки:
когда жлобы в столице делят власть,
все тут же вспоминают о глубинке.
Что, скажем, знает энская боса
о лживом, продвинутом политикане?
А значит, проще выбить голоса
ему в глухой лесной Тьмутаракани.
... И в наш аул нагрянул гость-москвич,
высокого полета, к стати, птица.
Назвался земляком. И бросил клич,
что надо за него подсуется.
Он клялся нам доверье оправдать.
И столь наобещал магнитогорцам,
что в пустозвонстве мог бы фору дать
и Врунгелю, и прочим «правдоборцам».
Типичный кабинетный самохвал,
какими переполнена столица,
такие перспективы рисовал,
что впору было на него молиться.
Предчувствуя, что цель уже близка,
бездомных он селил в воздушном замке,
выстраивал хоромы из песка,
льстил и юлил, чтоб только выйти в дамки.
Мы вместе с ним радели за страну,
своей голос отдавая за реформы,
не ведая, что он лишь «гнал волну»
в струе своей предвыборной платформы.
Магнитку воспевая и Урал,
всех ввел в экстаз художественным свистом, —
на этом голоса и набирал,
хоть и прослыл чрезмерным посулистом.
В речах его звучали гнев и страсть,
елей сочился в хитрых небывлицах.
Но знал он: только так дается власть,
и лишь такие ходят в Первых Лицах.
Добился нужной цели депутат.
И вновь к себе в Москву уехал, значит...
Но верим, он вернется к нам назад,
как только снова выборы назначат.

А я не плачу...

Жить стало невозможно, говорят,
быт засосал, среда заела.
И плачутся в жилетку все подряд,
стенают и скулят без дела.
У этого с женою нелады —
шалит, беспутная гулена!
А он — ревнивей Синей Бороды —
кинжал свой точит испуганно.
Другого ест начальник-мракобес,
ровесник века, пень замшелый.

Король — то голый!

За ним молва людская ходит вслед,
что он испорчен тещиным наследством, —
червонцами обклеил туалет,
и вообще жирует не по средствам.
Вот и в газете кто-то тиснул шарж,
что бывший бич, поймав за хвост удачу,
содержит нынче свиту секретарш
и штат наемных киллеров впридачу.
Советуют умерить аппетит,
скромнее быть и не сорить деньгами...
А он четвертый год живет в кредит,
и весь опутан вечными долгами.
Но кто-то тень наводит на плетень
и снова на поэта «катит бочку»,
хоть он и ест порою через день
и даже книжный шкаф купил в рассрочку.
Жизнь так его затерла в арьергард,
такой занозой влезла в селезенку,
что крест нательный свой он снес
в ломбард,
а зимнее пальтишко — в «уцененку».
Нищ беспросветно пишущий наш брат.
И рад бы слыть за мота и транжира,
но сам долгами только и богат.
Писателям в России не до жиру.
И чтобы стал полной его портрет,
вот штрих из будней этого «кутилы»:
вчера купил он пачку сигарет,
а вот на спички денег не хватило...

Творчество

Обида, опустенье и усталость,
сомнения и горечь на душе,
и к бедному-себе такая жалость,
что ажно желчь кипит в карандаше.
А то вдруг, обделенный пониманьем,
решил, что шел куда-то не туда,
так увлечешься самобичеваньем,
что и тетрадь краснеет от стыда.
Нередко происходит и такое, —
как премия за скорбные труды,
вдруг хлынут рифмы бурною рекою,
так, что блокнот расплунет от «воды».
Но чаще в настроении хреновом
лишь борешься с затупленным стилем.
Гоняешься всю ночь за нужным словом —
и просто засыпаешь за столом.

Гусарим!

Звенящая семантика
лишила нас покоя:
гусарская романтика!
Шампанское — рекою!
Постельные баталии,
амурные дуэли!
Любовницы в Италии,
в Берлине и Марселе!
Цыганский хор с гитарами,
романсы и романы...
И мы себя гусарами
мним в тьме самообмана.
Такого свет не видывал
разительного сходства:
Дениса взять Давыдова
и — нашенское скотство!

Жизнь — игра

Зануют затянувшиеся раны,
и бросит в жар, и схлынет кровь с лица,
когда растиражируют экраны
тебя в объятьях ушлого самца.
Пусть это — лишь кино. Не настояще.
И ты — не ты, а шлюха Бовари.
Но как тебе дается роль гулящей!
Наследственное, что ни говори...
Я тут же вспоминаю наши ссоры,
и фальшь твоих ночных безумных ласк,
и гадкие улыбки режиссера,
и сальный, хищный блеск актерских глаз.
Ты в амплуа, в своем репертуаре,
играя только падших Магдалин,
когда в угаре в темном будуаре
кому-то шепчешь: «Ты мой властелин!»
А я — лишь зритель, жертва Мельпомены,
затюканный, осмеянный супруг,
стоически сношу твои измены,
не в силах разорвать порочный круг.
Вот и сегодня ты умчалась в Лиски
на съемки порнофильма «Пустельга»,
где в роли безотказной одалиски
привычно будешь ставить мне рога.
... Двадцатый дубль: ты голая в постели.
И хоть ваш босс до сцен таких охоч,
люет. Вы друг другу надоели
от репетиций тех, что шли всю ночь.
Уйди совсем, избавь от мук сердечных!
Ведь жить так дальше даже не смешно.
Ты круглый год в разъездах бесконечных,
и я с тобою вижу лишь в кино.
Ну, все! Добилась ты, чего хотела.
Я скоро дам прощальную гастроль:
тот, кто всю жизнь мечтал сыграть Отелло,
в урочный час исполнит эту роль!